

Реакцию на появление книги Ильи Гилилова «Игра об Уильяме Шекспире» спрогнозировать было несложно. «Шекспировский вопрос» издавна притягивал к себе шарлатанов, а потому всякое посягательство на каноническую версию считается в академических кругах («мөветонөм»). Выразить сомнение в том, что автором гениальных произведений был уроженец провинциального Стратфорда-на-Эйвоне, все равно что всерьез рассуждать о существовании локхесского чудовища.

Ревнителей стратфордского культа можно понять. На роль автора бессмертных творений за истекшее столетие заявлено около 30 претендентов. Считается, что их количество дискредитирует проблему как таковую. Логика, согласитесь, странная. Ведь не может наличие многих подозреваемых само по себе отрицать факт совершения преступления. Многочисленность гипотез относительно авторства шекспировских произведений как раз показательна (авторство «Божественной комедии» или «Дон Кихота» с таким упорством никогда не оспаривалось). Уильяма Шакспера (Shaxper или Shakspere – так обычно писалось в приходских регистрах и других документах его имя) в этом контексте самого правильно было бы рассматривать как одного из «претендентов». Гилилов именно так и поступает. Сила его исследования в беспристрастном анализе первоисточников, в том, что автор оперирует не расхожими домыслами, а исключительно фактами. Факты, то есть документальные свидетельства, позволяют точно установить, что ознанченный Шакспер скупал солод, давал деньги в рост, участвовал в судебных тяжбах. Но нет ни одного документа, доказывающего, что он получил какое-либо образование. До нас не дошло ни одной строки, написанной его рукой. Если добавить, что у Шакспера были неграмотными не только родители, но жена и дети, что в своем завещании он ни словом не упоминает собственные рукописи, станет ясно, что шансов называться Великим Бардом у этого удачливого ростовщика не больше, чем у героев самых фантастических гипотез вроде Елизаветы I и Кристофера Марло (про них хотя бы точно известно, что они были грамотными).

Все изложенное выше давно известно шекспироведению, но человечество болезненно расстается с мифами. Проблема идентификации личности Великого Барда ныне не вопрос архивных изысканий, а скорее символ веры. Ортодоксально настроенные ученые часто и нередко справедливо обвиняют «нестратфордianцев» в научной недобросовестности, но система аргу-

Постижение Шекспира

ОТКРЫТИЕ

Одна из самых волнующих тайн европейской культуры разгадана русским ученым.

«Писатель, скрывающийся за занавесом».

Гравюра из книги Г. Пичема, 1612 г.

ментации поражает в книгах самих приверженцев традиционной версии. Вот характерный образец логического построения из канонических биографий Шекспира: никаких свидетельств о том, что уроженец Стратфорда окончил школу, у нас не имеется, но, поскольку он сочинял пьесы, нет сомнений, что образование получил. В книге Гилилова подобных допущений не встретишь. Он одержим не пафосом ниспровержения или обожествления, а желанием докопаться до истины. Его книга сродни хорошему детективу, в котором автор предлагает читателю совместно проделать весь долгий и увлекательный путь расследования. Пройдя этот путь до конца, испытываешь нечто вроде обращения в новую веру. С той лишь разницей, что Гилилов заставляет не уверовать, а убедиться: человечество на протяжении четырех веков участвовало в грандиозном розыгрыше.

Высказанная впервые около 100 лет назад гипотеза о том, что за псевдонимом-маской «Уильям Шекспир» скрывался граф Рэтленд (и, как доказывает Гилилов, его ближайшее окружение), подкреплена в книге таким количеством

фактов, что отмахнуться от нее как от очередной «утки» уже невозможно. И это подлинный переворот в шекспироведении. Сказанное не следует понимать в том смысле, что книга Гилилова дискредитирует все написанное о Великом Барде прежде. Гениальные произведения гениальными и остаются, а книги, их анализирующие, не умаляются в своем значении. Но неправильна и другая, весьма распространенная точка зрения: а так ли уж важно, каково подлинное имя «Потрясающего Копья»? Говорящие это не учитывают, что открытие Гилилова носит не только биографический, но и мировоззренческий характер, что величайшая в мире мистификация сама по себе является эстетическим феноменом, меняющим представление о культуре Ренессанса. Ведь в эпоху Возрождения на первый план выдвигается личность художника, стремящегося к максимальной самореализации, к утверждению творческого «я». И вот перед нами абсолютно уникальный феномен: творец не хочет быть узнаваемым, скрывается за маской, сознательно выстраивает собственное бытие по театральным законам.

Исследование Гилилова позволяет постичь и протейскую природу английского Возрождения, и сами возможности человеческого духа, и ту простую истину, что талант не садится на человека как бородавка, что между творцом и творением существует неразрывная связь. История жизни графа Рэтленда доказывает это неопровержимо. Его отрешенность от мирской суеты, его абсолютное равнодушие к славе не только прижизненной, но даже посмертной поистине потрясает. Для того чтобы совершить этот высокий подвиг самоотречения, нужно было совершенно по-особому смотреть на мир.

*Окончен праздник. В этом представляенье
Аптерами, сказал я, были духи.*

*И в воздухе, и в воздухе прозрачном,
Свершив свой труд, растаяли дни.
Вот так, подобно призракам без плоти,
Когда-нибудь растут словно дым,
И тучами увенчанные горы,
И горделивые дворцы, и храмы,
И даже весь – о да, весь шар земной.
И как от этих бестелесных масок,
От них не сохранится и следа.*

Вернитесь к этим строкам Великого Барда из прощальной «Бури» после того, как прочитаете книгу Гилилова. Думаю, они окажутся исполненными новым смыслом и для вас.

*Моск. новости. - 1997,
13-20 июля, Марина ДАВЫДОВА
- с. 21*